

ВЫШЛА КНИГА

В ОАО «Киселёвская типография» отпечатан тираж четвёртого издания книги Николая Мартина «Сельская глубинка». Читатели «КВ» знакомы с творчеством этого поэта, ушедшего из жизни в 1996-м году. Его стихи часто публиковались в нашей газете. А недавно увидели свет на страницах трёхтомника «Киселёвск в моей судьбе», выпущенного в Издательском доме «Киселёвские вести».

Дизайн обложки почти один к одному повторяет оформление третьего издания «Сельской глубинки». Формат тоже одинаковый. Но при видимой схожести этих книг они очень разные.

Над рукописью последнего сборника Николай Мартин работал вплоть до своей кончины. Он как бы подводил итог поэтического пути. Взяв за основу содержание третьей книги, поэт расширил его за счёт стихотворений, прежде нам неизвестных. Часть из них написана в юности, часть – в зрелом возрасте, а часть – в последние два года жизни. Дополнение оказалось более чем солидным – почти три десятка произведений.

Читателя, следившего за творчеством Николая Мартина, ждут и открытия, и откровения. Особенно при знакомстве с миниатюрами, которые составили цикл «Четверостишия». Вот уж где поэт предстал в расцвете своего таланта! Лаконично, без «суеты слов», Мартин сказал в этом цикле о многом. И о себе, и о времени, в котором жил. Сказал именно сейчас, в наши дни, потому что большинство миниатюр до выхода четвёртой книги не публиковались.

Что прибавить к таким строкам:

*От зыбкой стыни родничок
Под наледь спрятавшийся из виду,
Над ним, как выпивший дьячок,
Гнусавит ветер панихиду.*

Или – к такой горькой аксиоме:

*Так повелось ещё издревле,
И что поделать можно тут:
Поэты пишут о деревне,
А сами в городе живут...*

И кто посмеет упрекнуть автора за верность идеалам, которую он хранил до конца дней:

*Полощет ветер алую зарю;
Она, как знамя поднятое, вьётся.
А я смотрю и тихо говорю:
– В Россию дело Ленина вернётся!..*

В одном из четверостиший Мартин даже вступает в полемику с Есениным, написавшим: «Не жалею, не зову, не плачу...». Вот что сказано по этому поводу:

*Вопреки тебе, скажу иначе:
– Я подобных выводов, Сергей,
Не приемлю, потому что плачу
О прошедшей юности моей.*

В краткой форме говорит поэт и о том, что значит для него поэзия:

*К восходу отерпли затылки,
А сон не пожаловал к нам.
Дружок был прикован к бутылке,
А я – прикандален к стихам.*

Эта «прикандаленность» к творчеству крепла в Мартине год от года. Он всё требовательнее подходил к созданию новых стихов, критически оценивал то, над чем работал в прошлые годы. И – вносил изменения даже в те стихи, которые были включены в прежние издания «Сельской глубинки». Так любящий отец пестует своих детей, не забывая о них и после того, как они вышли в люди.

Я не сказал о том, что Николай Мартин имел первую группу инвалидности, четверть века был прикован к костылям и коляске. Горожане об этом наверняка знают и помнят. И, конечно, согласятся со мной, что жизнь Мартина иначе как подвигом не назвать. Человек, лишен-

ный очень многого, он жил более полноценно, чем большинство окружающих его людей. Не сетовал на боль и скудный быт, а старался доказать, что пришёл в этот мир не за вкусной пищей да красивой одеждой, а за тем, чтобы творить. Нести добро. Верить в любовь и красоту.

К своему «инвалидному статусу» Мартин относился с иронией. В четвёртой книге впервые увидела свет миниатюра, написанная в 1987-м году:

*Киселёвск восьмое лето
Стал в Кузбассе знаменит,
Потому что прёт в поэты
На коляске инвалид.*

Тем, кто неплохо знал Мартина, вообще казалось, что он себя к инвалидам не причислял. Поэт всё делал сам. Варил еду, прибирался в квартире. Даже фотографом подрабатывал. И, наслушавшись жалоб от собратьев по несчастью, он выразил отношение к ним через такие строчки:

*Мне так претит нитью калек,
Которым лень найти заделю!
И потому я – человек,
Что не страдаю от безделья.*

Закончив подготовку рукописи четвёртой книги, Николай Мартин с гордостью и облегчением написал:

*Свернула земная тропа на закат.
Решился итоги подбить в шестьдесят...
Порядочно нашёл добра и зрелое –
И вышла ЧЕТВЁРТАЯ книжка стихов!*

Мартин предпослал читателю краткое предисловие. В нём он указал, что: «Этот сборник является последним из цикла «Сельская глубинка». Можно расценить это как предчувствие автором близкой кончины. Однако лично я склонен видеть в упомянутой фразе другое. Николай Мартин извещал нас о переходе к новому этапу в своём творчестве. Он как бы указывал на то, что следующая книга будет во всех отношениях новой. В нее войдут только новые стихи. А в них зазвучат новые мысли, новые образы, новые чувства.

Но – не сложилось...

Чем по-особому хороша и ценна четвёртая книга, так это её разделом «Рецензии, статьи, заметки». В него включены отзывы о стихах Николая Мартина, сообщения о каких-то моментах его жизни. Среди авторов этих материалов – члены Союза писателей СССР Виталий Коржев, Михаил Небогатов, а также работники библиотек и журналисты. Каждому из них Мартин открывался с какой-то особой стороны. И собранные вместе, их публикации помогают расширить наши представления о поэте. Увидеть в его стихах и в его жизни то, чего прежде мы не замечали.

Подготовив рукопись, Николай Мартин не успел порадоваться выходу книги. В декабре 1996-го он умер. Частое после таких горьких событий авторский замысел никого не волнует. Ведь смертные издания требуют и хлопот, и вложения больших денег. Мало кто берется за такой «груз». Но Мартину повезло на детей. Марина – его младшая дочь – помогла завершить дело отца. Благодаря ей четвёртое издание «Сельской глубинки» найдёт своего читателя. Оно посвящается двум юбилеям – 70-летию поэта и Киселёвска.

В книге есть такое стихотворение:

*У лютой смерти нет отсрочки,
Но не сотрутся в тлен и прах
Мои рифмованные строчки,
И я продолжу жизнь в стихах.*

Всё так, Николай Александрович!.. Для сотен ценителей Вашего таланта Вы остаётесь живым. И жить Вам уготовано долго-долго, поскольку хорошие стихи, как и память о хорошем человеке, бессмертны.